

Культура - 2001 - 22-28 нояб. - с. 4
Прогулки с Петром Вайлем по российскому подворью

Возможно, для немецкого уха Вайль — wail (так как) — звучит, как для нашего — “поручик Кижэ”. Но это “объяснимое имя” удивительно подходит моему собеседнику, который без видимого труда умеет находить ясные ответы на сложные вопросы.

Его “Гений места” и написанные в соавторстве с Александром Генисом “Родная речь” и “Русская кухня в изгнании” стали бестселлерами. Студенты растаскивают его сочинения на цитаты. А сам Петр Вайль видится многим едва ли не живым классиком и энциклопедистом. Не только потому, что друг Иосифа Бродского и Льва Лосева. Он сам величина в литературе. Сегодня, когда глобалисты и антиглобалисты скрещивают шпаги и кое-что пострашнее, он уверен, что можно мир спать по-тютчевски — не кровью, а любовью.

И это интервью для “Культуры” получилось о том, как вписывается наш человек в мировое культурное пространство и в родное российское подворье. Почему подворье? Это следует из его метафоры в “Гении места”:

“...Европу легко представить домом с множеством помещений и пристроек разного времени, стиля, для разных надобностей.

Россия — двор при этом доме: огромный, неогороженный, незаметно переходящий в поле и лес. Оттуда время от времени появляются люди странных манер и образа мыслей. Идеи их большей частью заимствованы из самой же Европы, но преобразованы до такой крайности и абсурда, что кажутся диковинкой”.

— У вас не возникало идеи продолжить “Гений места” на российской почве?

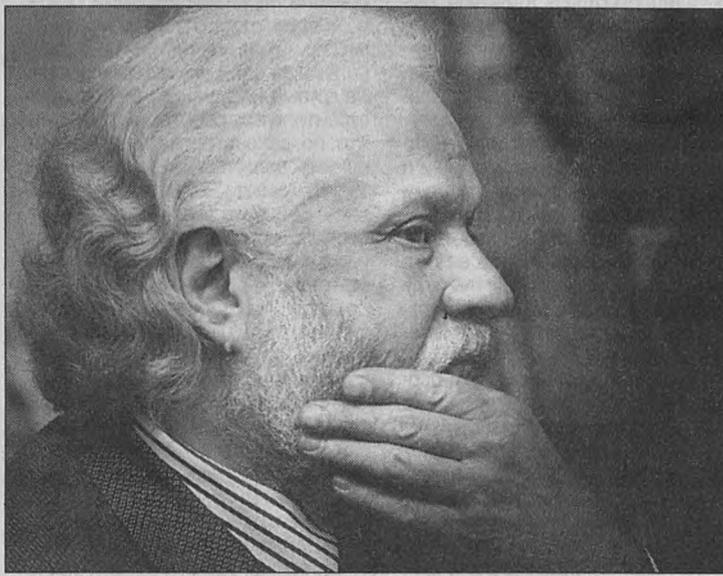
— “Гений места” по России я ни за что не стал бы делать. Такая книжка возможна, когда находишься отчасти внутри, отчасти вне той культуры, о которой пишешь. Что до русской, я слишком внутри нее. Необходимо некоторое отстранение. К тому же прием, однажды использованный, неинтересно повторять. Была у нас идея с Сашей Генисом продолжить “Родную речь” — о книгах и писателях XX века. Но не вышло по разным обстоятельствам. Раз не случилось — значит, правильно.

— Что такое, по-вашему, чувство родины? Прежде всего воспоминания детства, а потом уже все остальное?

— Да. Ностальгия — то, что у человека не всегда зависит от его географического местопребывания. Можно испытывать ностальгию, проживая всю жизнь на одном месте. Если исчез тот двор, в котором ты бегал пацаном, или тот дом, в котором ты рос. Или на месте лесочка, куда ты ходил за грибами, теперь новостройка.

— Недавно я была свидетелем того, как в еврейском центре после песен на идиш и иврите люди хором, слаженно и искренне затянули советское патристическое: “Уголок России — отчий дом”...

— Ничего удивительного. Это российские люди большой страны. И для большинства из них вопрос крови — на втором месте. Они действительно ощущают себя россиянами. Я такого насмотрелся много

П. Вайль

в Штатах. Эмиграция третьей волны по преимуществу еврейская. Что они поют, собравшись и поддав? Не “Хава нагилу” же. Они поют “Долго будет Карелия снится”. Это память о том времени, когда ты был молодой, красивый, сильный и тебя любили девушки. А географически... Тосковать по неодошвенным предметам как-то унизительно. По березкам, что ли? В Канаде или Новой Англии их меньше, чем в Подмоскowie. Я семнадцать лет прожил в Нью-Йорке, седьмой год живу в Праге. Гражданин США. Пишу по-русски, печатаюсь в России. Большинство друзей — москвичи. Нормальная современная жизнь.

— У одной эмигрантской газеты за логотипом “Русский Берлин — Русская Германия” следует девиз “Язык — мое Отечество”. Вы тоже так считаете?

— Да, в конечном счете этот человек и определяется.

— В последнее десятилетие мы увидели привычную нам русскую классику в другом — европейском контексте. “Родная речь” оказалась свежим взглядом на хрестоматийную литературу. “Гроза” Островского, увиденная сквозь призму флоренской “Госпожи Бовари”, персонажи Чехова в контексте творчества Кафки и Дали на фоне “Черного квадрата” Малевича. Но в большинстве наших школ продолжают преподавать по старинке, как будто мы все еще за “железным занавесом”.

— Нужно время, чтобы изменить что-то. Знаменитое хождение по пустыне сорок лет, пока не вырастет новое поколение, не знающее рабства. Это проблема не тех, кто слушает, а тех, кто говорит. С учителями — хуже. Они-то как раз прежние. А молодежь нынешняя потрясающе интересна. Это самое обнадеживающее из того, что в России есть. Я 24 года живу на Западе. И раньше мог с точностью до процента определять соотечественника на улице европейского или американского города. Не потому, что он был хуже одет. Мог быть и лучше. Но отличала его иная пластика, то, что называют “языком тела”. По тому, как он поворачивался, суетился, реагировал на движущиеся машины. Это были движения несвободного человека. Изна-

чально ожидающего какого-то подвоха. А сейчас ошибаюсь сплошь и рядом, пытаюсь определить российского молодого человека на Западе. И это очень приятно. Российская молодежь ведет себя сегодня так, как будто Европа — это их мир. А ведь так оно и есть. То, что сейчас не понять фактически никак. Сейчас есть тенденция, которая ярче всего выражается в антиамериканизме, в антизападничестве и общей ксенофобии. В конечном счете — в прокламировании “своего пути”. Глупо и опасно. Нечего искать “свой путь” на проторенных путях цивилизации. Это так же бессмысленно, как протоптывать свою тропку в лесу рядом с хорошей нахоженной и удобной тропой. Важно понять, что дорога цивилизации уже проложена. До тебя по ней прошли миллионы людей. Ты не первый.

— А как быть с постоянными призывами и даже указаниями сверху создать свою национальную идеологию? Что, без нее Россия зайдет в тупик?

— Это смешно. Нельзя национальную идею соорудить по приказу. Все признаки такой национальной идеи хороши на бытовом уровне. Я был как-то в Киеве на футбольном матче местного “Динамо” с “Баварией” и понял, что киевское “Динамо” — это и есть часть национальной идеи Украины. А, скажем, московский “Спартак” не стал такой национальной идеей в России, а мог бы стать, и правильно было бы, если бы стал. Такие вот простые вещи могут быть подлинными народными символами и ориентирами. Россия — часть западной культуры. И никуда от этого не деться. От того, что именуется — иудео-эллинско-христианская парадигма. Русская культура вышла из Библии, античного наследия и христианства. Те же три источника питают английскую, или французскую, или американскую, или любую другую западную культуру. Русские европейцы это понимали. Пушкин апеллировал к поэзии трубадуров, а не к кладезям восточной поэзии. Азия — это лишь элемент российской культуры, в целом же она — европейская. Поэтому топтаться в поисках какого-то своего пути бессмысленно. И чем больше на этом топчешься, тем понятнее, что топчешься на одном месте.

— А идеи панславизма? Когда начинаешь перечитывать того же Ключевского, выясняешь, что русы были не славяне. И русским языком назывался не славянский язык. И в древних летописях на картах притоки Днепра указаны были на двух языках — на русском и старославянском. То есть изначально корни были смешаны...

— Не столь важно сейчас, были перемешаны корни или нет. Пришел ли в Киев Рюрик с Трувором и Синеусом или еще кто-то. На нашей жизни это никак не отражается. А вот события, начавшиеся в Петровскую эпоху и позже, сформировали то, чем сейчас живет страна. О каком, к примеру, можно говорить славянском братстве, если русские постоянно дралась с Польшей? Или все благостно было с украинцами, а исторически совсем недавно — с чехами? Если осознать, что Россия — это органичная часть западной культуры, и спокойно с этим жить, то не надо комплексовать. Как у Венички Ерофеева написано, главный вопрос: где больше ценят русского человека — по ту или по эту сторону Пиренеев? Да нигде особенно не ценят! И особого отношения к России нет. И слава богу, что его нет! Пока мы сами не научимся себя ценить, мы не избавимся от этого комплекса... Недавно смотрю чемпионат мира по легкой атлетике в Канаде по каналу Евроспорт с русским текстом. И там комментатор, ссылаясь на какую-то критическую газетную статью, тут же делает вывод: “Ну не любят нас”. Уверю вас, это не так. Нет к русским какого-то особого отношения. Если бы у России не было ядерного арсенала, ее бы еще меньше замечали: страна как страна, большая — но и Бразилия большая, многонаселенная, вроде Индонезии. Это такой вариант самоутешения от комплекса неполноценности, что мы какие-то особые. Другое дело, что Россия — страна великой культуры, стоящей в одном ряду с французской, английской, немецкой, американской, итальянской, японской и еще очень немногими равными по масштабу. Это уже колоссальное, достойное, замечательное место.

— Кажется, у Бёлля есть замечательная мысль о том, что национальный дух — как непосред-

ственность, которая исчезает, когда мы начинаем ее осознать...

— Тут стоит вспомнить славянофилов — когда Аксаков наряжался чисто по-русски, его на улице принимали за татарина. Любую национальную идею можно довести до абсурда. А вообще крупные успехи русского искусства на Западе часто были связаны с восточным колоритом. В балете, в театре, в музыке. Русский, выходя на западный рынок, должен был придавать себе восточные черты, “превращаться в татарина”. Это принималось Западом за самобытное, русское. Не случайно же в больших зарубежных библиотеках русский отдел располагается обычно вместе с восточным.

— Что такое, по-вашему, современная русская культура? Это действительность или чисто культурологическая условность?

— Она пока еще не сформировалась. Можно с уверенностью говорить, скажем, о советском этапе русской культуры. А постсоветский этап еще не состоялся. Мало времени прошло. Десять или двенадцать лет — слишком короткий временной отрезок для культурного слоя. Хотя появилось много интересного. В первые постсоветские годы шло отталкивание от всего советского. Так родились поэзия Тимура Кибирова, Пригова или искусство соцарта.

— А кто у вас сегодня наиболее интересен в этой сфере?

— Ничего нового не скажу. Из прозаиков — Пелевин. Он пишет очень интересно, а главное — это действительно новое. В прежние времена такой литературы не могло быть. А, скажем, рок-музыка — моей интересной была в советское время, что будет сейчас — неясно. В кино тоже трудно подводить какие-то итоги. Несомненный киношедевр последних лет — “Хрусталев, машину!” Алексея Германа сделан на материале 53-го года, это осмысление прошлого. В поэзии — та же картина. Лучшими русскими поэтами я считаю сегодня Сергея Гандлевского и Льва Лосева. Но их трудно назвать явлениями нового времени. Таких явлений вообще пока мало.

Беседу вела
 Татьяна РИВКИНД